

ГЛАВА 2. АМАНДА ВСПОМИНАЕТ, КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ и ВОСПОМИНАНИЯ РАСПУТНОЙ МАМОЧКИ

Вылизывая пизду сестры, что она делала почти ежедневно, а иногда и не один раз на дню, уже около года, она вспоминала тот день, когда все началось.

Я вернулась домой с выпускного бала, в сопровождении старшеклассника, хотя сама была всего лишь младшеклассницей, очень расстроенная тем, что мой кавалер пытался заставить меня заставить ему отсосать. Хотя мне уже было восемнадцать (мы начали ходить в школу на год позже, потому что мама и папа работали за границей, когда мы должны были быть в подготовительном классе... таким образом, мы с Хлоей всегда были на год старше наших одноклассников, иногда даже и больше), я все еще была девственницей. Я всегда была сосредоточена на учебе, а не на мальчиках. Тем не менее, Хлоя убедила меня сходить на свидание, потому что, по ее словам, — мне нужна была светская жизнь.

Я пришла домой в слезах, и мама утешила меня.

Хлоя пришла домой через несколько минут и сказала:

— Ну серьезно, Аманда, ты самая большая ханжа.

Я заикалась:

— Он пытался засунуть свой пенис мне в рот.

Хлоя драматично вздохнула, что, вероятно, должно быть ее фирменным знаком, она делает это так хорошо:

— Для начала: это хуй, или хер, или елдак, или бур, а не пенис. Тебе что, восемь лет?

— Мама! — взмолилась я, потрясенная вульгарным языком Хлои. Говорить гадости было не ново для неё, но говорить непристойности в присутствии мамы — это было что-то новенькое.

Мама удивила меня, сказав:

— Вообще-то, Аманда, твоя сестра, возможно, права. Тебе нужно немного раскрепоститься.

— Вообще-то, чертовски много, — добавила Хлоя.

— Хлоя Мэй, — твердо сказала мама, использование нашего второго имени всегда подразумевало, что мы зашли слишком далеко.

— Прости, мамочка, — тут же сказала Хлоя.

Я удивилась, услышав, как Хлоя сказала "мамочка", хотя за последние пару месяцев отношения между ними изменились. Мама и Хлоя постоянно ссорились с тех пор, как Хлоя достигла половой зрелости, но за последние пару месяцев Хлоя полностью изменилась, ведя себя почти почтительно по отношению к ней. Это был очень странный поворот событий, из которого я сделала вывод, что Хлоя наконец-то повзрослела.

Мама продолжала:

— Аманда, тебе уже восемнадцать, и пора бы тебе начать понимать, что в жизни есть нечто большее, чем просто учеба.

— Вот почему я согласилась пойти на свидание сегодня вечером, — сказала я, хотя у меня не было никакого интереса к этому парню.

— Ты — лесбиянка? — спросила мама.

— П-п-прости? — заикнулась я, совершенно шокированная вопросом, особенно от собственной матери.

— Тебе нравится "есть" пизду? — уточнила мама, употребив запретное слово на букву "п".

— Мама! — задохнулась я от шока, внезапно почувствовав себя так, будто меня снимают на извращенную версию "Камеры откровений".

— На колени, — приказала мама, щелкнув пальцами и указывая на Хлою.

— Да, госпожа мамочка, — немедленно повиновалась Хлоя, улыбаясь мне.

— Видишь, Аманда, пришло время тебе узнать семейный секрет, — начала мама, снова щелкнув пальцами.

Я с немым благоговением наблюдала, как моя упрямая, уверенная в себе сестра подползла к маме.

Мама бесшумно раздвинула ноги, и я уставилась на её полностью выбритую вагину.

— Понимаешь, Аманда, моя мама научила меня, когда мне было примерно столько же, сколько тебе, силе лесбийской сексуальности, — сказала мама.

— Что? — сказала я, очевидно, неспособная произнести более одного слова за раз.

— Твоя бабушка любит "есть" пизду, твоя мама любит "есть" пизду и, — сказала мама, схватив Хлою за голову и потянув ее между ног, — твоя сестра любит "есть" пизду.

— Но это же инцест, — указала я на очевидное.

— О, милая, перестань судить, — сказала мама, как будто это я была здесь не права. — Есть поговорка "Семья, которая играет вместе, всегда остается вместе".

— Я не думаю, что это то, о чем они думали, — заметила я, хотя не могла оторвать глаз от сестры, убажывающей маму.

— Сядь, Аманда, — приказала мама.

— Нет, спасибо, — начала я, прежде чем мама прервала меня.

— Сейчас же, Аманда Линн, — твердо потребовала она.

Я повиновалась, даже когда моя голова закружилась от шока.

— Видишь ли, моя дорогая, твоя бабушка очень покорная, она всегда хочет угодить, как и ты, — продолжала мама.

— Я не лесбиянка, — заметила я.

— Откуда ты знаешь? — спросила мама. — Ты когда-нибудь "ела" пизду или сосала хуй?

— Боже, нет, — сказала я, испытывая отвращение и к тому, и к другому.

— Ты так очаровательна в своем претенциозном суждении, — тихонько хихикнула она, заставив меня почувствовать себя одновременно оскорбленной и слегка пристыженной; я ненавидела, когда мои сверстники осуждали меня как ханжу, потому что я не пила, не употребляла наркотики и не занималась сексом, и все же я, очевидно, осуждала других, потому что они это делали.

Она продолжила:

— Понимаешь, мне было восемнадцать, и меня соблазнила соседка, которая была любовницей твоей бабушки. Я также узнала, что в районе, где я жила, существовала лесбийская иерархия, и я, как новое пополнение, была нижайшей шлюхой на их тотемном столбе.

— Мама, это уже далеко за пределами даже понятия С-М-И (Слишком много информации), — заметила я.

— Пора тебе понять историю своей семьи и узнать свое место, — ответила она, прежде чем добавить: — А теперь не перебивай меня больше.

— Да, мама, — кивнула я, хотя мне было неприятно слышать и видеть все это испытание.

— В общем, однажды после школы, после того, как я ублажала ее сексуально каждый день в течение двух недель, госпожа Эпплтон подвела меня к моей маме и сказала: — Теперь твоя дочь — твоя любимица.

Я не могла поверить, что мама говорит мне это; я не могла поверить, что это правда; я не могла поверить, что Хлоя лижет мамину вагину.

— Мама улыбнулась, сразу поняв, что меня обратили и обучили. Она сказала, шокировав меня в тот момент: "Я давно ждала этого момента". Через пять минут я лежала на спине и впервые лизала мамину пизду.

Мне стало интересно, что означает слово "обратили", но спрашивать я не стала.

— Как только я попробовал мамину пизду, я пристрастилась к ней, и это стало ежедневным, часто более одного раза в день, занятием. Точно так же, как сейчас для Хлои, не так ли, моя любимица?

— Да, госпожа-мамочка, — кивнула Хлоя, по-прежнему зарывшись лицом между маминых ног.

— И моя сладкая дочка, для тебя тоже почти пришло время впервые попробовать киску... запретную киску, — сказала мама.

— Я не могу, мама, — прошептала я.

— Твоя девственная пизда уже мокрая, милая? — спросила мама.

— Нет, — быстро ответила я, но потом поняла, что солгала, так как почувствовала влагу в трусиках.

— Ты говоришь мне правду, милая? — спросила мама, которая всегда знала, когда я лгу.

Мое лицо пылало красным от стыда за то, что оно было мокрым, и от вины за ложь.

— Да, — прошептала я.

— Так почему же твоя пизда мокрая? — прямо спросила мама.

— Я не знаю, — ответила я, что было правдой.

— Хочешь подменить свою сестру? — спросила мама.

— Нет, — ответила я, хотя внезапно очень смутилась.

Мама продолжила:

— После того, как я "съела" маму, я стала общинной киской. В рамках общинной инициации ожидалось, что я ублажу четырнадцать разных женщин за четырнадцать дней. Поэтому на следующий день я "съела" еще одну соседку, миссис Тартл, и пришла к выводу, что мне нравится "есть" киски.

Мама продолжила свой яркий рассказ о своем лесбийском сексуальном пробуждении:

— На следующий день меня использовала в раздевалке чирлидерша, дочь миссис Тартл, а затем другая чирлидерша, которая застала нас за этим занятием.

Мама спросила Хлою:

— Как ты думаешь, твои подруги по команде болельщиц с удовольствием обучили бы твою сестру тонкому искусству поедания пизды?

Хлоя оглянулась на меня со своим обычным коварным самодовольным выражением лица:

— О, я представляю, как они превратят ее в настоящий талисман, который будет ублажать их киски.

Мама потянула Хлою к себе между ног и продолжила, ее глаза никогда не разрывали контакт с

моими:

— Итак, на следующий день я узнала, что такое strapon, дилдо на ремнях, когда моя лучшая подруга в то время, Кассандра, которая, очевидно, "ела" мою маму во время ночевки в течение нескольких месяцев после того, как я засыпала, позвала меня учить французский. К моему удивлению, "французский", который мы изучали, был французским поцелуем с языками, за которым последовал уникальный французский поцелуй в стиле "шестьдесят девять" и завершилось всё отсасыванием straponа, прежде чем она лишила меня девственности своим длинным пластиковым хуем.

Я спросила, все еще пребывая в полном неверии:

— Ты потеряла девственность с девушкой?

— Дорогая моя, я была такой же, как и ты, — ответила она. — Я была ботаничкой, милой и застенчивой. Но как только этот мир тайного лесбиянства был открыт для меня, словно спали оковы ожиданий и давления общества. Прежде чем я поняла это, я стала больше, чем просто ботаничкой, которая отвечала на все вопросы в классе, и я больше не была просто любимицей учительницы, хотя, по правде говоря, однажды я физически стала любимицей учительницы, миссис Блэнктон.

— У тебя был секс с учительницей? — спросил я, хотя ответ был очевиден.

— Да, это была учительница английского языка, которая была сурова в классе. Однажды она держала меня под своим столом, я вылизывала у неё во время её разговора с коллегой, или потом, когда она положила меня на свой стол, обучая меня удовлетворению вибратором, прежде чем выебать меня своим straponом.

Хлоя неожиданно добавила:

— В то время как Аманда — любимица учителя, у меня есть своя любимица, и она — учительница.

— Что? — спросила я, слыша ее слова, но пытаюсь понять, куда она клонит со своим заявлением.

— Миссис Уокер очень охотно лижет пизду, — сказала Хлоя.

Я чуть не задохнулась. Миссис Уокер была моей любимой учительницей. Помимо того, что она была моей наставницей по углубленному изучению английского языка, она была моим

тренером команды по дебатам, моим примером для подражания и давала рекомендации на все мои стипендии. Также, она была замужем и имела двух маленьких детей. Я сказала, не веря Хлое:

— Чушь.

— Можно я покажу Аманде фотографии, госпожа мамочка? — спросила Хлоя.

— Да, моя любимица, — кивнула мама.

Хлоя встала, чертовски самодовольно посмотрев на меня, и пошла в сторону кухни.

Мама продолжила:

— Через пару дней одна из чирлидерш, я уже даже не помню ее имени, лишила меня анальной девственности.

— Ты приняла что-то в свою задницу? — спросил я, волна за волной шокирующих откровений обрушивалась на меня, как нескончаемые волны на океанский берег.

— Боже, да, — простонала мама про себя. — Нет ничего лучше, чем отдать все свое тело запретным табу, которые общество считает греховными.

— Содомия — это грех, — указала я.

Хлоя в ответ передразнила меня:

— Содомия — это грех. Ради Христа, Аманда, Господь не просто так дал тебе три дырочки.

Мама кивнула, как будто Хлоя говорила что-то глубокое и неоспоримое:

— Да, Аманда, секс — это естественная часть существования, а дарить и получать удовольствие — одна из самых естественных вещей в мире.

— Между мужчиной и женщиной, — возразила я.

— Секс есть секс, независимо от пола. Гомосексуализм между мужчинами продолжался веками, — продолжала мама.

Хлоя добавила:

— Твой герой — Шекспир, был пламенным педиком.

— Ты даже не можешь прочесть и понять Шекспира, — ответила я.

Слабая месть, но тем не менее.

— Может быть, но я знаю, что его любовные сонеты посвящены мужчинам, — ответила она, поднося к моему лицу свой телефон.

Я читала, что сонеты Шекспира могут быть о мужчинах, но всегда думала, будучи романтиком, что это в лучшем случае неубедительно, и я буду продолжать читать их как оды о любви к женщине.

— Хватит, — сказала мама, ее ноги все еще были широко раздвинуты, а ее киска, казалось, сама смотрела на меня.

— Вот доказательство того, что миссис Уокер — моя личная киска, — сказала Хлоя, явно наслаждаясь тем, что было в ее телефоне.

Я уставилась на фотографию, на которой определенно была изображена обнаженная миссис Уокер, целующаяся с такой же обнаженной Хлоей. Я потерял дар речи... снова.

Хлоя объяснила:

— Это было у нее дома, пока ее муж водил детей купаться.

Мама добавила:

— Понимаешь, Аманда, в жизни мало что бывает таким черно-белым, как это преподносится в академических кругах. Герои в литературе никогда не бывают такими хорошими в реальной жизни; наука создает войны; история рассказывает только о победителях. Но, конечно, в каждой истории есть две стороны, и у каждого человека есть множество интригующих секретов и желаний, которые бурлят прямо под поверхностью.

— И как только я "поцарапала покрытие" миссис Уокер, я разбудила спящее сексуальное либидо, которое, как мне кажется, никогда не захочет даже вздремнуть, — продолжала Хлоя, явно наслаждаясь тем, что порочит образ моей любимой учительницы, моей модели для подражания.

— Не могу поверить, что ты соблазнила миссис Уолкер, — сказала я, злясь на нее.

Мама добавила:

— Дорогая, Хлоя просто оказала Жасмин услугу. Она разорвала те цепи общественных ожиданий, которые мешали ей найти истинное наслаждение.

— Это просто смешно, — сказала я, все еще приходя в себя не только от всех этих откровений, но и от неоспоримого жжения во влагалище.

— А вот миссис Уокер устраивает шоу в своем классе для нас с Бри, — добавила Хлоя, показывая мне вторую фотографию.

Я уставилась на вторую фотографию и задалась вопросом, как миссис Уокер удалось обманом заставить сделать это.

— Ты шантажировала ее, — обвинила я сестру.

Хлоя покачала головой:

— Нет, мне не пришлось, я предложила ей лишь откусить от яблока, а она съела его целиком.

— Ты сука, — сказала я, вставая.

Мама вмешалась:

— Вы, обе, сядьте.

Мы обе повиновались, даже когда смотрели друг на друга волком. Еще больше меня разозлило самодовольное выражение лица сестры.

— Миссис Уокер похожа почти на всех женщин, Аманда. Если им дать шанс высвободить свои скрытые сексуальные желания, они это сделают. Что касается меня, то как только мне представилась такая возможность, хотя я и понятия не имела, что упускаю, врата открылись, и с тех пор я никогда не оглядывалась назад.

— А как же папа? — спросила я.

— Он знает, что у меня есть лесбийские связи, и знает это с тех пор, как мы начали

встречаться. Он застал меня в довольно компрометирующей ситуации, — ответила мама, прежде чем добавить: — Хотя он не знает о нас с Хлоей.

— Это был твой первый лесбийский секс втроем, мамочка? — спросила Хлоя.

Мама рассмеялась, как будто вспоминая какое-то прекрасное время:

— Да, меня трахала бутылкой с теплым соусом Беверли, еще одна чирлидерша, им действительно нравилось передавать меня по кругу, когда нас застукала ее старшая сестра. В конце концов, она присоединилась к нам, и я "ела" одну сестру, пока другая ебала меня бутылкой, а потом, в конце концов, сделала мне фистинг.

— Фистинг? — спросила я, еще один термин, как и "обратила", о котором я никогда раньше не слышала.

— Ты действительно ничего не понимаешь, — сказала Хлоя, покачав головой. — Это когда кулак входит в твою пизду.

— Весь кулак? — спросил я, не понимая, как такое возможно.

— Да, — кивнула Хлоя.

Мама приказала:

— Хлоя, проверь, мокра ли твоя сестра.

— Да, госпожа-мамочка, — кивнула Хлоя.

Я могла бы остановить ее, но я снова была так потрясена мамиными словами, что просто позволила сестре потрогать меня. Что еще хуже, я громко застонала в тот момент, когда пальцы Хлои коснулись моих мокрых трусиков.

— Она чертовски мокрая, — заявила Хлоя.

— Так почему же ты такая мокрая, Аманда? — снова спросила мама.

Я ответила то же самое:

— Я не знаю.

— Я думаю, что знаешь, дорогая, — ласково сказала мама, прежде чем продолжить. — Твой разум все еще протестует, но твое тело уже поддается предлагаемому тебе удовольствию. Хотя ты еще не знаешь этого, твой разум и тело ведут переговоры, и твои намокшие трусики доказывают, что твое тело побеждает.

— Попробуй один раз, милая, — продолжила мама. — Разве я когда-нибудь солгала бы тебе или заставила бы тебя сделать что-то, что тебе не подходит?

До сегодняшнего вечера я бы ответила однозначно "нет", но сейчас я была в недоумении и нерешительности.

— Неужели такое возможно? — повторила она, когда я не ответила.

— Наверное, нет, — наконец, неуверенно сказала я.

— Ползи к мамочке, мой милая, — приказала мама, похлопывая себя по вагине.

Я не знаю почему. Может быть, потому что я была так возбуждена; может быть, потому что мне было любопытно; может быть, чтобы не выглядеть ханжой перед сестрой; может быть, это было естественное желание доверять и слушаться маму; как бы там ни было, я почувствовала, что опускаюсь на колени и ползу к маминым раздвинутым ногам.

— Хорошая девочка, — промурлыкала мама, пока я подбиралась к ней.

Оказавшись там, я замешкалась. Я уставилась на ее влажные, блестящие губы.

Мама мягко поощрила:

— Давай, Аманда. Нет ничего более естественного, чем вернуться к тому, откуда ты начала свою жизнь, восемнадцать лет назад.

Хотя в ретроспективе это рассуждение выглядело нелепо, в данный момент теория казалась совершенно логичной. Я, без лишних слов, наклонилась вперед, вытянула язык и попробовала маму на вкус.

— Вот так, моя любимица, — стонала мама, когда я начала неуверенно вылизывать ей.

То, что меня называли "любимицей", вызывало смешанные эмоции. Я всегда была угодливой и преданной — черты хорошего домашнего животного; однако это название явно устанавливало иерархию власти, и я была в самом низу. Я сразу же вспомнила, как мама говорила, что она

была в самом низу иерархии лесбиянок в своей общине, и подумала, не ожидает ли она этого и здесь. И наоборот, эти мысли быстро улетучились, когда неповторимый аромат маминой киски достиг моих вкусовых рецепторов. Все томительные сомнения, крутившиеся в моей голове, замолкли, когда мой мозг отключился, а тело взяло все под свой контроль. Пьянящий аромат, сочный вкус и странные естественные ощущения — все это переполняло меня, когда я лизала мамину вагину.

Мама застонала через пару минут моего "исследования":

— Ну всё, детка, тебе нравится пробовать мамину пизду?

— Да, — прошептала я, не переставая лизать, желая получить еще больше ее влаги.

— Да — что? — спросила она.

Я была озадачена вопросом и подняла голову.

— Как я теперь буду называть тебя, Аманда? "Любимица"? — спросила она.

Охваченная похотью и желанием угодить, я ответила так же, как и Хлоя:

— Да, госпожа мамочка.

Я не могла поверить, как легко слова слетели с моего языка.

— И чего же хочет моя девочка-любимица? — спросила мама, когда ее пальцы раздвинули губы ее вагины прямо перед моими глазами.

— Полизать тебя, — призналась я, желая возобновить вылизывание.

— Полизать что? — спросила мама.

Мне показался странным этот вопрос, но ответ был очевиден, не так ли? То есть, я точно не собиралась лизать её локти. Тем не менее, я подыграла.

— Твою вагину.

Хлоя усмехнулась, находясь где-то позади меня.

— Тебе восемнадцать, Аманда, используй взрослые слова.

Мама более терпеливо объяснила:

— Твоя сестра права, моя любимица. У мамы, как и у всех женщин, есть киска или пизда.

Я ненавидела оба этих слова, мне казалось, что они унизительны и овеществляют женщин.

Мама, чувствуя мою дрожь, продолжала говорить ласково:

— Моя любимица, это просто слова, но в правильном контексте они чувственны и значимы.

Мамин палец, играющий с ее вагиной, сильно отвлек меня. Я хотела снова попробовать ее на вкус. Нехотя я произнесла слова, которые никогда не сходили с моих губ:

— Госпожа мамочка, я хочу полизать твою киску.

— Хорошая девочка, — промурлыкала она, схватив меня за голову и возвращая меня к своему сладкому лакомству.

Когда я возобновила лизание, я перешла от медленного исследования к нетерпеливому. Я протрущивала губки ее киски, пытаясь просунуть язык внутрь ее тугой дырочки.

— Вот так, мой любимица, трахни мамину пизду языком, — застонала мама, от чего у меня по позвоночнику пробежал холодок. Я хотела быть лучшей ублажительницей пизды, хотела быть лучше Хлои. Я хотела быть лучшей маминой любимицей.

— О да, Боже, вот так, — громко стонала мама. Еще через несколько мгновений мама потребовала: — Мой клитор, мой любимица, пососи мамин клитор.

Я слегка приподняла голову и взяла в рот ее твердый клитор.

— Даааа, — мгновенно закричала мама, схватив мою голову, и через несколько секунд мое лицо было покрыто её влагой. Если тонкий вкус ее киски был аппетитным до того, как она кончила, то полный поток ее нектара был подобен раю для вкусовых рецепторов. Я с жадностью поглощала мамины соки, не желая, чтобы это заканчивалось.

К сожалению, как и все хорошее в жизни, это случилось.

Мама посмотрела на меня и сказала:

— Добро пожаловать в клуб, милая.

— Спасибо, — сказала я, не понимая, что на самом деле означают эти слова.

— Теперь моя очередь, мамочка-госпожа? — спросила Хлоя.

Мама кивнула, обращаясь ко мне:

— Ты — низшее животное на тотемном столбе, моя дорогая.

— Что это значит? — спросила я.

— Хлоя — твоя госпожа, — сказала мама.

— Иди сюда, сестра-шлюха, — приказала Хлоя, тоном, полярно противоположным нежным словам мамы.

— Слушайся её, Аманда, — кивнула мама.

Я бросила на нее умоляющий взгляд, а затем подползла к сестре, которая теперь была полностью голой.

— Я ждала этого целую вечность, — сказала Хлоя, когда я подползла к ее ногам.

Ее киска выглядела так же привлекательно, как и мамина, и я, не дожидаясь ответа, наклонилась вперед и начала пробовать на вкус киску сестры.

— Вот так, моя сестренка-шлюшка, — стонала Хлоя, — "ешь" мою пизду.

Ее слова были намного противнее маминых, и все же, необъяснимо, это меня заводило. Мои трусики полностью промокли, и я отчаянно хотела прикоснуться к себе.

Я жадно лизала, вкус Хлои был таким же экзотическим, но немного отличался от маминого. — Ты такая прирожденная пиздолизка, — стонала Хлоя.

Я ненавидела то, что была покорна Хлое, но мне также нравилось чувство её удовлетворения.

— Так приятно видеть, что две мои девочки наконец-то поладили, — сказала мама, стоя сзади нас.

Хлоя добавила:

— Теперь мы будем ладить гораздо лучше, не так ли, моя сестренка-шлюшка?

— Я не знаю, — ответила я, ее тон заставил меня нервничать.

Она оттолкнула мою голову и сказала:

— Если ты хочешь когда-нибудь снова лизать мою пизду, старшая сестра, ты будешь подчиняться, как хорошая покорная.

Я замерла. Я хотела снова попробовать ее, но мне не нравилась идея быть под ее контролем.

Мама добавила:

— Аманда, ты — прирожденная угодница. Ты рождена, чтобы делать людей счастливыми.

Я повернулась к маме и спросила:

— Что означает быть низшей шлюхой на тотемном столбе?

— Полное послушание всем, кто выше тебя, — ответила мама.

— Всегда? — спросила я, хотя ответ казался очевидным.

— Без колебаний, — кивнула мама. — Только через полное послушание приходит полное удовлетворение.

Слова казались глупыми, но удовольствие, которое я испытывала, доставляя им удовольствие, было неоспоримым.

— Умоляй меня дать тебе "съесть" мою пизду, Аманда, — приказала Хлоя.

Я повернулась к сестре, подняла на нее глаза и взмолилась, полностью втянувшись в состояния покорности, в котором я оказалась: — Пожалуйста, позволь сестре полизать твою киску.

— Ты имеешь в виду мою пизду? — поправила меня Хлоя.

Я тихо вздохнула, но согласилась, почему-то желая угодить ей, произвести на нее впечатление:

— Да, Хлоя, могу я возобновить вылизывание твоей восхитительной пизды.

— Госпожа Хлоя, — снова поправила она.

Я понимала, что она уточняет иерархию, давая понять, кто тут главная, но мое желание угодить пересилило последствия того, что я была ее покорной, и я кивнула:

— Да, госпожа Хлоя.

Она притянула меня к себе, и я вернулась к вылизыванию. Она застонала:

— Вот так, моя сестра-шлюха, ты будешь делать это каждый день.

Эти слова должны были бы привести меня в ужас, но вместо этого они возбуждали меня. Как говорила мама, как только шлюзы открываются, поток невозможно остановить. Я была зависима, как от Starbucks'a, и не могла представить, что не смогу сделать это снова.

Через пару минут мама приказала:

— Посмотри на меня, моя любимица.

Я перестала лизать и повернулась.

Мама улыбнулась:

— Это для альбома.

Я была удивлен, что мама фотографирует, но не стала протестовать, так как я почему-то доверяла маме, несмотря на весь этот сумасшедший вечер.

— Вернись к ублажению меня, моя сестра-шлюшка, — приказала Хлоя, схватив меня за голову.

Я жадно лизала сестру, желая снять с нее напряжение.

— О да, моя сестра-шлюшка, ты ведь любишь мою пизду? — спросила она.

— Боже, да, — стонала я, действительно обожая вкус ее пизды.

— И ты будешь лизать мне всегда и везде, где я потребую? — спросила она.

Хотя я и боялась этого вопроса, я кивнула:

— Да, госпожа, я ваша покорная.

— Боже, да, да, — стонала Хлоя, схватив мою голову и размазывая свою пизду по моему лицу.

Через несколько секунд мое лицо было покрыто соками киски во второй раз.

Пока она приходила в себя, Хлоя играла на своем телефоне. Пока она заставляла меня массировать ее ноги, она спросила:

— Эй, мам, ты знаешь, что сегодня день обнаженной натуры?

Мама покачала головой:

— Нет, но я думаю, что мы обязательно будем всегда отмечать День обнаженной натуры таким образом.

Я спросила:

— А что мы будем делать в следующем году, добавим бабушку в наши игры?

— Мммм, — улыбнулась мама, — Думаю, мы создали маленькую любимицу, с отклонениями.

Хлоя, казалось, снова была готова кончить, когда услышала, как в дом вошел наш отец.

— Черт возьми, — вздохнула она. — Нам придется закончить это позже.

— Да, госпожа, — кивнула я, разочарованная тем, что не получила еще один полный поток нектара, к которому уже пристрастилась.